

УДК 82-4:82.08

ОПЫТ ОСВОЕНИЯ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА В ПЕРМСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННО-МЕМУАРНОЙ ПРОЗЕ И ЭССЕИСТИКЕ 2000-х гг.

Анна Александровна Сидякина

старший преподаватель кафедры журналистики

Пермский государственный университет

614990, Пермь, ул.Букирева, 15. alyarka@yandex.ru

В статье рассматриваются художественно-мемуарные и эссеистические произведения пермских авторов, в которых осмысливается городское пространство. Опыт пермских, а также пишущих о Перми литераторов позволяет рассматривать несколько взаимосвязанных и, зачастую, сочетаемых тенденций в обращении к теме города: личностно-биографическая рефлексия мемуариста, историко-культурное исследование, мифологизация, а также перформативный элемент и обращенная к читателю установка на сотворчество, выраженная не только в прямых высказываниях, но и в использовании автором внешней и внутренней инфраструктуры издания как активно действующего смыслового катализатора. В качестве примеров городских эссе приводятся также материалы, созданные в жанре «прогулки» – этот жанр становится все более востребованным среди пермских литераторов и публицистов в текущем десятилетии. В подготовке текста использован литературно-критический опыт автора статьи.

Ключевые слова: литература; мемуаристика; Пермь; город; мифотворчество; прогулка; эссе.

Тема города, осмысленная персоналистично, в ракурсе индивидуальной творческой судьбы, стала главной и определяющей в пермской поэзии 1990-х годов [Абашев 2000: Электронный ресурс]. В 2000-е гг. идентификация Перми состоялась и в прозе. Именно в художественно-мемуарной литературе произошло экзистенциальное возвращение человека в некогда отринутое, казавшееся пустым и враждебным городское пространство, состоялась попытка его обживания и обустройства.

Повести «Провинция» Б.Зиф и «Чемодан Якубовой» А.Бердичевской, «Дракон» А.Королева, «Дом» Н.Васильевой – были созданы и вышли в свет почти одновременно, в 2003-2004 гг. Все они являют собой пробы одного и того же культурного грунта – общей юности.

Анна Бердичевская и Бэла Зиф принадлежали к той же талантливой компании молодых пермских авторов, откуда вышли в большую литературу Л.Юзефович, А.Королев и Н.Горланова – поколение, сформировавшееся на открытом свету оттепельных «шестидесятых». После того как пермский диссидентский процесс 1970 года [Сидякина 2004: 36] остался в прошлом, позади для многих осталось и отчужденное, не сумевшее

стать живым пространство провинциальной Перми – по выражению А. Королева, «города зеро», выпавшего из истории и культуры. В отличие от Н. Горлановой, неразрывно на протяжении всей своей жизни связанной с Пермью литературным бытием, сюжетами, фактурой, творческие судьбы Л. Юзефовича, А. Королева и А. Бердичевской сложились в Москве. Их «возвращение» произошло в художественной и мемуарной прозе, по своему заселяющей пермское пространство. Романом «Казароза» творчески возвратился к осознанию своей причастности к Перми Л. Юзефович. Возвращение А. Королева началось с цикла пермских эссе (назовем лишь некоторые из них: известный по рукописи «Пермский дневник», «Утонувшее время» [Королев 2003], «Будда, кинобудка» [Королев 2001]).

«Утонувшее время» – это опубликованный в книге-перформансе «Дракон» (именно так определяет жанр издания автор) фотоархив с комментариями – своего рода литературный перформанс, побуждающий читателя совершить рискованную экскурсию по скрижалям взрослеющей души повествователя, а также по реальным местам и событиям, в которых это взросление происходило.

Точнее, по реальности памяти, где, к примеру, на углу улиц Окулова и Плеханова по прежнему стоит давно снесенный дом: «Окно нашей комнаты – третья справа, на втором этаже» [Королев 2003: 195]. Пространство памяти, окружающее юношеский текст «Дракона», насыщено фотографиями и авторскими комментариями к ним настолько плотно, что у читателя возникает ошутимое желание подняться на указанный этаж и заглянуть в отсчитанное окно. И отшатнуться – не по причине убогости увиденного пейзажа, а потому что сбоку из текста читателя оттолкнет мальчишка, запускающий во двор кометы из подожженных диафильмов, чьи искрящиеся всполохи способны пока всего лишь надерзить блеклой повседневности убийственно провинциального города. «Рондо! Для того, чтобы увидеть красоту окрестностей, надо развитое чувствилище, а для того, чтобы развить его, нужна красота... словом, замкнутый круг. Тут никогда и никто не спасет – выручает только судьба. /.../ Я простился со своим домом 11 марта 1979 года» [Королев 2003: 196]. «Дракон» – книга бегства и возвращения. А чтобы вернуться, – утверждает автор, – нужно вспомнить все. Еще раз пройти траекторию побега. Перебрать фотографии, взглянуться в лица, назвать имена, перелистать папку с юношескими рисунками, ощупать взглядом вещи, прикоснуться к материнской руке, с нежностью и болью сказать еще раз: «Пермь моей юности – уродливый город... В этом городе нет ни одной конной статуи».

Анна Бердичевская возвратилась, опубликовав в созданном ею же издательстве «Футурум БМ» сначала книги Бориса Гашева и Анатолия Королева, затем свой «Чемодан Якубовой» [Бердичевская 2004]. Бэла Зиф, жившая после партийного разгрома коллективного женского сборника «Княженика» (1967 г.) все эти годы в Перми, но вне литературного круга – возвратилась, достойно дебютировав как прозаик книгой «Провинция» [Зиф 2004].

В «Чемодане Якубовой» повествование завершается поэтическим приложением, финальный текст которого – «Только свет»: «Только свет, ничего кроме света...». В поэзии того времени, откуда родом Бердичевская – и у Николая Рубцова, и у Алексея Решетова – потоки «косвенного света» повсюду – в ночи, в подземной мгле. И Бердичевская им вторит: пока живы в памяти отсветы снежного утра, есть надежда, и светопреставление отменяется. Ее книга как раз об этом: о рассвете жизни, о свете, пробивающемся сквозь тьму и образующем очертания людей, предметов, как на черно-белой фотографии. О послевоенном детстве, скудный, «черно-белый» быт которого, уместившийся в фанерном

ящике с кирзовой ручкой и надписью «Усоллаг – 1952 г.», оказался расцвечен творчеством. Якубова – героиня повести и мать автора записок – в книге, как и в жизни, была художницей, ее дочка – и в той, и в другой реальности стала поэтом. Вдобавок для А.Бердичевской свет – категория профессиональная, автор книги, помимо литературного труда, занималась фоторепортажами. С этим связан и ее портрет на обложке книги – с прицелившимся в зеркало объективом.

В книге Бэлы Зиф «Провинция» преобладает стихия не света, но цвета: книга сразу же, с обложки, ошеломляет ослепительно синим цветом. На его фоне – тепло закутанная фигурка девочки, вглядывающейся в сказочную зимнюю даль. Это фрагмент картины датского художника Карла Ларссона «Брита с санками», которую рассматривает в одном из эпизодов «Провинции» маленькая Бибка. Синий цвет – цитата из Н. Бараташвили, цвет небесный, глубокое и до поры безмятежное детское счастье на берегах Даугавы и Камы. Бибка, как и сама Бэла Зиф, родилась в Прибалтике, но выросла в Перми, в Разгуляе. Те, кто присутствовал на авторском чтении фрагментов «Провинции», до сих пор вспоминают, как, случайно сместившись в экранное поле слайд-проекции, Бэла Зиф как бы «вошла» в пейзаж Разгуляя – и там осталась, озвучивая его овраги, кусты, заросли сирени, словно бы вечно иллюзорная взаимосвязь времен и пространств вдруг обрела реальное лицо.

Место действия «Провинции» и «Чемодана Якубовой» – город Молотов – Пермь в шинели казенно-казарменного имени. В «Провинции» его замороженная пустота оказалась быстро заселена и согрета семейной памятью. В плане обживания исторического прошлого города главы «Провинции», основанные на семейном меморате Зифов, особенно ценны. В них множество редкостных и притягательных подробностей старой Перми, судьбы ее жителей. В целом описанная Бэлой Зиф история ее семьи – династии пермских врачей – воспринимается в духе библейского повествования, укорененная в общекультурном мифе. Свою стезю – от избиения младенцев до крещения – проходит и маленький поэт Бибка, но, что любопытно, в обратном порядке. Самые живые, сочные и убедительные подробности в повести возникают из ее непосредственных детских впечатлений. «Французская булочка с корочкой посередине», «ослепительная воздушная площадка над Камой», «песчаный берег у Дворцовой Слудки», сверкающий «чайными серебряными бумажками и фантиками от конфет», маленький трамвайчик на крыше депо: «Над кабиной водителя развевался красный флажок, внутри сидели куклы... Как-то в

ночь очередного праздника он сгорел от короткого замыкания, а вместе с ним – безвестные пассажиры, безропотно разделившие его судьбу».

Многочисленные родственники, круги пермской профессуры, эвакуированные жители гостиницы «семиэтажки», друзья-малолетки – ледяной Молотов в «Провинции» сразу становится обитаем. Один из самых удачных портретов в этом ряду – образ «пермского Булгакова», профессора Аркадия Лавровича Фенелона, одна из самых удачных сцен с его участием – чтение латыни: «И вдруг о поверхность реки ударяется слово...». В ряду женских персонажей – мать, врач Евгения Александровна Зиф, чей образ светится добротой и самопожертвованием. Также и маленькая героиня А.Бердичевской, девочка Якубова, первое, что запоминает при встрече с вернувшейся из лагеря матерью – не лицо, высветленный лик.

В повести Бердичевской действие происходит главным образом на станции Мулянка. Тем не менее есть целая глава – «Город Молотов и его обитатель». Обитатель – некто Якубов, который мог бы стать отцом героини, но всего лишь дал ей свое имя – взявшийся невесть откуда человек-фантом, чистая квинтэссенция культуры и интеллекта – именно он стал отправной точкой, духовным центром повести Бердичевской. «Чем занимался он всю жизнь? Бездельничал? Как бы не так, он был очень занят. Он демонтировал себя. Отдельные блоки самого себя этот «гигант» азартно разбивал мощью собственного интеллекта на куски поменьше, чтобы никого не угробить, разбрасывая их к чертовой матери. Как же сверкали эти обломки!» [Бердичевская 2004: 64].

Кстати, судя по тому, что у Юрия Якубова и Аркадия Фенелона есть общий собеседник – эвакуированный в Молотов профессор-лингвист Розенталь – персонажи Зиф и Бердичевской вполне могли быть друг с другом знакомы. И в таком случае Якубов (предположим) мог бывать в доме профессора Фенелона. Этот дом по адресу Ленина, 81а, памятником которому стал пустырь эспланады, по свидетельству автора «Провинции», поразительным образом напоминал дом Булгакова на Андреевском спуске, и определяющей в этом сходстве была не только атмосфера общего творческого азарта, веселья, импровизации, но и фигура хозяина – профессора-Мастера. Этот дом стал для маленькой Бебки храмом, целокупной моделью культурного мира, которая трансформировалась несколько позже в раскрепощенное общежитие знаменитого Дома Ученых (глава «Пуп Перми») – но как бы то ни было, в ее «Провинции» традиция и культура хранятся в Доме.

Иначе в повести Бердичевской, где двум бесприютным художникам, матери и дочке, сама культура становится домом. Их очередное место обитания – клуб «Прогресс», и, по признанию Бердичевской, никакой «Мулен Руж» не затмит то ощущение праздника, которое было пережито в деревянном бараке «под ампир» на станции Мулянка. Что же касается культурной преемственности, то для того и нужен чемодан, по мысли автора, чтобы в отсутствие Дома вместить все самые простые и нужные вещи. В «Чемодане Якубовой» среди них «синий маленький томик Александра Блока, несколько исписанных общих тетрадей в дерматиновых обложках, пачка писем и открыток, полученных мамой в лагере. И еще какой-то рулон бумаги разного достоинства – от обоев до ватмана. Еще – старинная чугунная чернильница-непроливайка» [Бердичевская 2004: 75] – все, что составляло основу быта. Интересно, что в повести Бэлы Зиф тоже естьместилище потомственных вещей – сундук, хранящий тайну семейной трагедии, «святые мощи»: бабушкина прядь волос, косточки корсета... У Бердичевской же – чемодан без замка, все нараспашку, готово к расставанию, открыто – ничего не жаль, и не важно, что с нами станет, все равно останется только свет.

Если поэтическая тетрадь, опубликованная приложением к художественно-мемуарной повести А.Бердичевской, уводит финал повествования в пространство символическое, то очерки «Из воспоминаний», также в качестве приложения завершающие «Провинцию» Б. Зиф, концентрируют план документально-биографический. Они намечают рубеж: становление поэта завершилось – началась литературная жизнь, печали и радости которой проистекают в четко обозначенных к середине 1960-х в пермском культурном ландшафте местах – среди них редакция газеты «Молодая гвардия», клуб «Лукоморье» в Доме писателей, Дом Ученых на Комсомольском проспекте.

Дом Ученых – совокупный герой и место действия мемуарной повести Н.Васильевой [Васильева 2003, 2004]. Масштабные концептуальные обобщения мемуариста вынуждают привести обширный фрагмент: «Его построили в 1954 г. Это был первый университетский жилой дом, сразу же получивший собственное имя – Дом Учёных <...> У Дома было лицо, душа, черты. Ещё бы! В нём поселился костяк профессорско-преподавательского состава университета: бывший ректор А.И.Букирев, действующий ректор Ф.С.Горовой, работники ректората Н.А.Игнатьев, В.В.Кузнецов, В.Ф.Усть-Качкинцев, И.И.Лапкин, П.Я.Мартынов, И.Н.Мерзляков, деканы К.И.Мочалов, А.К.Маловичко, А.В.Ры-

бин, И.С.Сандлер, заведующие кафедрами и ведущие профессора И.Г.Шапошников, Г.З.Гершуни, Е.Ф.Журавлёв, С.И.Мельник, Г.А.Максимович, П.А.Софроницкий, Б.К.Матвеев, В.А.Танавский, П.Н.Чирвинский, Л.И.Волковыский, Д.Е.Харитонов, М.Н.Полукаров, Л.Е.Кертман, А.А.Ушаков, Б.А.Чазов, Р.В.Комина, В.В.Орлов, доценты А.А.Волков, П.И.Хитров, И.А.Малеев, Е.А.Голованова, Е.И.Коваленко, Е.О.Преображенская, Н.М.Паршукова, С.Я.Фрадкина, З.В.Станкеева; в Доме Учёных жили ректор медицинского института Е.А.Вагнер, ректор политехнического института М.Н.Дедюкин, работники обкома партии И.И.Быкова, Н.К.Масалкин. Возможно, вспомнила не всех: я жила в этом доме около двадцати лет (в 60 - 70-е годы) и помню именно этот период. Но уже и тогда (именно тогда!) было ясно, что в Доме Учёных живёт пермская элита. <...> Элитой называлось то, что ею и является: отборные национальные мозги, создающие честь, основу и гордость города, страны, мира. Пермская университетская профессура была элитой города, и её адресная прописка в Доме Учёных преображала этот дом, делала его средоточием и символом интеллектуальной энергии. <...> Критическая масса суммарного интеллекта невольно материализовалась в некую самостоятельную монаду, которая существовала как бы независимо от жильцов, квартир, подъездов... <...> Возможно, я задним числом что-то мифицирую и идеализирую, но допуск на идеализацию предполагал сам Дом, его колоссальный дух, его интеллектуальное парение, интеллигентность его обитателей, представляющих истинную элиту. Всё это превращало Дом в некое целое, составленное из отдельных частных миров, отдельных частных судеб, конкретных персонажей и историй, длинных и коротких жизней, драм и анекдотов, но при всём том остающееся именно целым во всей его неповторимости и уникальности» [Васильева 2003: Электронный ресурс]. Из развернутых очерков-судеб обитателей Дома Ученых Н.Васильевой опубликованы два – посвященные В.В.Воловинскому и Евгению Тамарченко, одному из ярких героев пермского культурного сообщества 1960-х.

Другому культурному кругу – пермским авангардистам 1970-80-х – посвящена книга «Маргиналы. Уральский андеграунд: живые лица погибшей литературы» – книга-музей. Основная ее часть – блок устных (публикуемых в режиме «oral history») и литературных мемуаров, большинство из которых – оригинальные интервью с участниками андеграундного движения, проживающими как внутри «уральского треугольника» (Пермь – Свердловск/Екатеринбург – Челябинск), так и за его пределами. Среди авторов

воспоминаний и эссе поэты В.Дрожащих, В.Кальпиди, А.Парщиков, К.Ковальджи, В.Лаврентьев, А.Санников, Ю.Беликов, Ю.Асланьян, А.Субботин, А.Колобянин, прозаики Н.Горланова, А.Королев, В.Пирожников, художники В.Смирнов, В.Остапенко, Мацумаро, В.Жехов, фотографы А.Безукладников, В.Бороздин, Ю.Чернышев, режиссер П.Печенкин, культурологи А.Бурштейн, В.Абашев, В.Раков, В.Курицын, журналисты В.Запольских, Т.Черепанова, С.Финочко, Е.Касимов и др. Среди откликов на данное издание прослеживается тема, озвученная челябинским журналистом А.Валеевым: «В Перми очень сильно стремление ее жителей к строительству собственного городского мифа и есть разработанная учеными-энтузиастами технология его создания. Собственно, фиксация, проговаривание событий и героев тамошней жизни – уже культурный жест. Воспоминания могут быть субъективными, но труд, подобный «Маргиналам», – факт культурной истории региона» [Валеев 2004]. «Маргиналы» фиксируют событийный ряд той эпохи, когда «пермский текст» благодаря молодым поэтам впервые зазвучал в пространстве культуры особой «нотой».

В жанре комментированной хроники представлен ставший популярным «нон-фикшн» В.Киршина «Очерки частной жизни пермяков 1955-2001» [Киршин 2005]. В отличие от мозаики «Маргиналов», центростремительно организованной вокруг главных героев пермского андеграунда, мозаичная хроника В.Киршина – при всем разнообразии предьявленных в ней фактов, свидетельств времени – пропущена сквозь призму индивидуального сознания. Но кем бы ни был рефлексирующий субъект – воплощением авторского «Я» или же смоделированным персонажем-обывателем – в любом случае сюжет «Частной жизни» – это часть общего движения Перми к «открытому городу», к обнаружению себя в контексте современности, один из маршрутов заселения и «вочеловечивания» пермского пространства.

Обретению городом живого литературного лица на протяжении 1990-х – 2000-х гг. способствовали не только индивидуально-творческие проекты, но также ряд общественных инициатив, стимулировавших интерес к городской культурной памяти. Существенную роль в процессе пробуждения пермского культурного самосознания сыграл фонд культуры «Юрятин», действующий в Перми с 1994 г. Программа фонда «Юрятин», нацеленная на оживление литературного пространства, преодоление провинциального комплекса, создание культурных коммуникаций – на практике реализовалась множеством издатель-

ских и культуртрегерских акций, способствовавших наращиванию «пермского текста» (термин В.Абашева). Деятельность фонда стала существенным, хотя и далеко не единственным, фактором активизации широкого общественного внимания к истории и культуре Перми. В частности, развернутая фондом программа «Устная история Перми» стимулировала развитие в пермской литературе и публицистике жанра «прогулки».

Первым позиционированным в этом жанре изданием стали выпущенные фондом «Юрятин» в конце 1990-х «Прогулки по Перми» – сборник хроники и фельетонов, опубликованных на страницах «Пермских губернских ведомостей» конца XIX – начала XX вв. С тех пор в формате книг и журнальных публикаций вышли «Вольный путеводитель» С.Федотовой, путешествие по старинному пермскому некрополю В.Гладышева, «Поездки с детьми» В.Запольских, «Вниз по реке теснин» – путеводитель по реке Чусовой Алексея Иванова и т.д. Жанр «прогулки» нашел реализацию также и на телевидении – отметим цикл увлекательных маршрутов, основанных на «устной истории» Перми и отснятых ГТРК «Т7» в партнерстве с тем же фондом «Юрятин».

Одним из заметных произведений в ряду пермской эссеистики стал «Путеводитель по Юрятину» С.Ваксмана [Ваксман 2006]. Своеобразие взгляда поэта и эссеиста Семена Ваксмана таково, что в нем отменяются различия между Пермью исторической и ее литературной мифологией. Пространство Перми в размышлениях Ваксмана соткано из субъективных ощущений, литературных аллюзий, наблюдений, цитат. Обитатели его прозы – Пастернак, Чехов, Рильке, Мандельштам, – каждое пермское эссе С.Ваксмана являет собой антологию культурных образов, лепестки которой растрепаны на влажном ветру то ли с Камы, то ли откуда-то с Бренты, то ли с пастернаковской Рыньвы – реки, «распахнутой настезь». В «Путеводителе по Юрятину» Ваксмана реальное и легендарное пространство настолько переплетено, что места литературного города Юрятин документированы фотографическими видами Перми. Подлинные городские объекты «прописаны» Ваксманом в романский город: снимок бывшей Александровской, а ныне Краевой больницы сопровождается подписью «Больница, в которой работала Лара». Знакомое каждому пермяку здание городской библиотеки им. Пушкина в фотоиллюстрациях к «Прогулкам по Юрятину» фигурирует как «публичная библиотека», стена которой, как утверждает автор, заслуживает мемориальной доски «Здесь Юрий Живаго увидел Лару – увидел, не решился подойти, но зато узнал адрес» [Ваксман

2006: 70]. Реальность и миф в этой книге, кажется, полностью замещают друг друга.

Сходным образом, переплетаясь, слои городской истории и мифологии взаимодействуют в другом, «лирическом», путеводителе «В поисках Юрятин» (издание фонда «Юрятин, 2006). Сборник включает пять авторских маршрутов: «Берегом Камы от дома Люверс», «За доктором Живаго в поисках Юрятин», «Вверх по Сибирской», «На Слудке», «По улице имени времени» (улица Ленина). Последние, помимо исторических данных, вбирают в себя материал устных историй – городского фольклора, преданий, легенд. Тогда как первые два эссе сосредоточены по преимуществу на литературных проекциях города в судьбах и произведениях Пастернака, Осоргина, Каменского, непримиримого пермского антагониста Мамина-Сибиряка, других писателей, чьи жизненные маршруты пересеклись с Пермью. Знакомая с литературными образами Перми, читатель юрятинского путеводителя имеет возможность совершить реальное путешествие по местам литературных событий – с книжкой в руках. Например, путеводитель приглашает, вслед за героиней Пастернака Женей Люверс, прогуляться от дома ее семьи на Осинской до здания старого вокзала, завернув по дороге на уютную Оханскую, пройдя через известные общественными гуляниями и козами Загон, мимо домов и домишек, задержаться на высоком берегу Камы, представив, как сто лет назад здесь, бывало, сутились кучки журналистов в ожидании ледохода и прилета грачей. «В поисках Юрятин» являет наглядную интерпретацию пермского семиотического пространства – опыт прочтения города-текста. Идея лирического, субъективного путеводителя, отчасти выражающая специфику жанра «прогулки» обозначена редактором сборника В.Абашевым в предисловии: «Прогулка промывает взгляд и раскрепощает воображение. Блуждая по улицам, мы встречаемся с городом в его собственной жизни. И открываем его» [Абашев 2006: 7]. Далее подчеркнуто акциональное начало жанра: «Прогулка – занятие творческое. Своего рода перформанс, где автор, исполнитель и зритель – в одном лице» [Там же: 9].

Таким образом, пермская художественно-мемуарная проза и городские эссе конца 1990 – 2000-х гг. отмечены сочетанием авторского субъективно-биографического начала, культурологического подхода, установки на активную мифологизацию, а также зачастую содержит перформативный элемент, побуждающий к активному читательскому сотворчеству и содействию.

Список литературы

Абашев В. Пермь как текст. Пермь, 2000. Электронный ресурс: Сайт фонда «Юрятин» yuryatin.psu.ru

Абашев В. О прогулке // В поисках Юрятина: Лирический путеводитель. Пермь, 2006. С.3-14.

Бердичевская А. Чемодан Якубовой. М.: Фу-турум БМ, 2004.

Ваксман С. Путеводитель по Юрятину. Пермь: Книжный мир, 2005.

Валеев Р. Вспоминая «маргиналов». Пермь: хотят быть центром Урала // Челябинский рабочий. 6 авг. 2004.

Васильева Н. Дом // Филолог. Научно-методический журнал. 2003. Вып. 3. Электронный ресурс: http://www.philolog.pspu.ru/vasilieva_dom.shtml

Кирилин В. Очерки частной жизни пермяков 1955-2001. Пермь: Издатель Максарова, 2003.

Королев А. Будда, кинобудка // Искусство кино. 2001. № 8. Электронный ресурс: <http://old.kinoart.ru/2001/8/8.html>

Королев А. Дракон. М.: Футурум БМ, 2003.

Сидякина А. Маргиналы. Уральский андеграунд: живые лица погибшей литературы. Челябинск: ИД «Галерея», 2004.

**CITY SPACE OCCUPATION EXPERINECE
IN CONTEMPORARY PERM ARTISTIC MEMOIRS AND ESSAYS**

Anna A. Sidyakina

**Senior Lecturer of Journalist Department
Perm State University**

Perm authors' artistic memoirs and essays, where the city space is conceptualized, are considered in the article. The experience of writers from Perm and those who write about Perm allows considering several interrelated and often compatible tendencies, referred to the theme of the city: a memoirist's personal-biographical reflection, historical-cultural research, mythologisation, and also the performative element and appealed to the reader the aim at the co-authorship, expressed not only in direct statements, but also in the author's use of outer and inner edition infrastructure as an active semantic catalyst. As examples of city essays the materials created in the genre of "a walk" are also used. This genre is becoming more and more popular among Perm writers and publicists in the current decade. Literary critical experience of the author of this article is used in the preparation of the text.

Key words: literature; memoiristic; Perm; city; mythocreation; a walk; essay.